

Александр Зайцев

Споры о Бандере: размышления над книгой Гжегожа
Россолинского-Либе *Жизнь и посмертная жизнь
украинского националиста**

Grzegorz Rossoliński-Liebe. *Stepan Bandera – The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2014. 654 p.

Пожалуй нет другого украинского исторического деятеля, который вызывал бы столь же противоречивые оценки, как Степан Бандера (1909-1959) – лидер радикального украинского националистического движения. Стоит сравнить хотя бы названия некоторых его биографий: *Степан Бандера – символ революционной бескомпромиссности* Петра Мирчука¹, *Степан Бандера – жизнь, посвященная свободе* Николая Посивныча² и, наконец, *Степан Бандера – жизнь и посмертная жизнь украинского националиста: фашизм, геноцид и культ* Гжегожа Россолинского-Либе.

Кем же был Степан Бандера – бескомпромиссным революционером, борцом за свободу или фашистом и идеологом «геноцидного национализма»? Не только историки, но и обычные граждане Украины кардинально расходятся в ответах на этот вопрос. Как показывают социологические опросы, из всех исторических деятелей, об отношении к которым спрашивали респондентов, именно Бандера больше всех разделяет украинцев между собой (деятели, в отрицательном отношении к которым украинцы больше всего объединились – это Владимир Путин и Иосиф Сталин)³.

Стиль и содержание украинских споров о Бандере напоминают известную российскую полемику 1860-х годов о герое романа Ивана Тургенева, суть кото-

---

* Переработанный вариант статьи, которая ранее выходила на английском языке в *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* (2015. Vol. 1. № 2). См. также ранние специальные секции *Форума*, посвященные теме этой рецензии: Украина во Второй мировой войне // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 285-334; История современного украинского национализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 133-254. Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

¹ Мирчук П. Степан Бандера – символ революційної безкомпромісовости. 2-ге вид. Нью-Йорк, Торонто, 1992.

² Посівнич М. Степан Бандера – життя, присвячене свободі. Торонто, Львів, 2008. См. также его новую книгу, вышедшую в серии «Украинцы: история непокоренных»: Посівнич М. Степан Бандера. Харків, 2015.

³ Ностальгия по СССР и отношение к отдельным личностям // Рейтинг. http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/nostalgia_po_ussr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html.

рой один критик сформулировал так: «Есть ли созданный г. Тургеневым Базаров фи́га и карикатура, над которо́ю нужно издеваться, или же он есть идеал, которо́му нужно подражать?»⁴. Так и современные дискуссии о Бандере и его соратниках в основном сводятся к вопросу: были ли они фашистскими преступниками, которых нужно заклеить позором, или же национальными героями, которым следует ставить памятники и воспитывать на их примере молодежь? Иными словами, идет война двух исторических мифов (или мифа и антими́фа) с характерными для них бинарными оппозициями света и тьмы и отсутствием оттенков. В мифологизированном историческом сознании Степан Бандера, его Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) располагаются либо полностью на светлой, либо полностью на темной стороне – третьего не дано.

Книга Россолинского-Либе выводит дебаты о Бандере на новый, более академический, уровень. Как отмечает рецензент Юрий Радченко, эта книга является первой научной биографией Бандеры⁵, и в этом самая большая заслуга ее автора. Вместе с тем, она продолжает и развивает «разоблачительную» традицию в историографии украинского национализма. На нескольких сотнях страниц автор доказывает, что Бандера и его ОУН были не деятелями национально-освободительного движения, а фашистами, расистами и организаторами массовых убийств гражданского населения. Однако, в отличие от прежних публицистических нападок на Бандеру и «бандеровщину», книга Россолинского-Либе построена на такой солидной теоретической и источниковой основе, что апологеты Проводника ОУН уже не смогут просто отмахнуться от нее, как от «антиукраинской пропаганды».

В ожесточенных спорах о Бандере самое удивительное то, что приписываемое ему значение совершенно не соответствует реальной роли, которую он сыграл в истории. Бандера оказал заметное влияние на судьбу украинского националистического движения лишь в течение двух коротких периодов. В 1933-1934 гг., возглавляя краевую организацию националистов в Западной Украине, он организовал несколько громких терактов, в результате которых организация была практически разгромлена польской полицией, а сам он оказался в тюрьме, где просидел до начала Второй мировой войны. Еще раз Бандера сыграл важную роль в 1940-1941 гг., когда спровоцировал раскол ОУН и возглавил ее радикальную фракцию. Однако попытка провозглашения независимости Украины в самом начале советско-германской войны, хоть и предпринятая бандеровцами без непосредственного участия их лидера, привела к тому, что Бандера вновь был арестован, на сей раз нацистами, и просидел в концлагере почти до конца войны. Выйдя на свободу, он до самой смерти жил в эмиграции и не имел реального влияния на собы-

---

⁴ Писарев Дмитрий Иванович, «Посмотрим!» [Примечания] // Lib.ru. http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1865_posmotrim.shtml.

⁵ Радченко Ю. От Старого Угринова до Мюнхена: первая научная биография Степана Бандеры // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 1. С. 118-140.

тия в Украине, где его имя стало символом вооруженной борьбы за независимость. Парадоксально, но Бандера-символ почти затмил Бандеру-человека. Поэтому и биографы вождя ОУН, желая приписать ему великие деяния или великие злодеяния, вынуждены обращаться не столько к жизни самого Бандеры, сравнительно бедной важными событиями, сколько к истории движения, которое развивалось под его именем, но преимущественно без его участия. В свете сказанного уже не кажется странным, что в книге Россолинского-Либе «земная» жизнь Бандеры занимает не так уж много места в сравнении с его «посмертной жизнью» (т.е. образами лидера ОУН в коллективной памяти, исторической публицистике и пропаганде) и историей украинского националистического движения.

Я не стану подробно разбирать содержание книги – это со всей тщательностью уже сделал Юрий Радченко⁶. Остановлюсь только на нескольких проблемах, а прежде всего – на главном пункте моих расхождений и с автором, и с рецензентом. И Россолинский-Либе, и Радченко разделяют интерпретацию ОУН как фашистского движения и, соответственно, Бандеры – как фашистского лидера. Действительно, ОУН в конце 1930-х – начале 1940-х гг. имела немало общих черт с фашистскими движениями, поэтому концепция «украинского фашизма» имеет право на существование как одна из возможных объяснительных схем, тем более, что она вполне удовлетворительно объясняет некоторые факты.

Здесь стоит сделать одно методологическое замечание. Когда мы утверждаем, что то или иное политическое движение было фашистским, мы не открываем его «настоящую» сущность, а только применяем произвольно выбранную типологическую схему для введения исследуемого движения в сравнительный контекст. Итак, те, кто считает ОУН фашистской, тем самым предполагают, что а) мы лучше поймем идеологию и практику ОУН, сравнивая ее с итальянской ПНФ, немецкой НСДАП, румынским Легионом архангела Михаила и т.п., чем с политическими движениями любого другого типа; б) мы лучше поймем феномен фашизма, если, кроме упомянутых организаций, включим в наш анализ еще и ОУН.

На мой взгляд, оба предположения ошибочны. Идеология и практика ОУН действительно соответствуют некоторым интерпретациям в рамках теории «родового фашизма» (*generic fascism*), однако все они основываются на изучении ультранационалистических движений в нациях-государствах. Пренебрегая принципиальными различиями между национализмами государственных и безгосударственных наций, концепция «украинского фашизма» порождает больше теоретических и практических проблем, чем помогает решить. Следуя этой логике, в рамках фашизма пришлось бы сконструировать подкатегорию «национально-освободительного фашизма», что представляется противоречием в понятиях.

Это противоречие чувствует и Россолинский-Либе, который везде берет в кавычки словосочетания «освободительное движение», «освободительная борьба»

---

⁶ Там же. См. также: Härtel A. *Bandera's Tempting Shadow: The Problematic History of Ukrainian Radical Nationalism in the Wake of the Maidan* // *Journals of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol. 1. № 2. P. 421-428.

и т.п., если речь идет об ОУН или УПА. Он объясняет: «"Освободительная борьба", или "освободительная война", которую вели ОУН и УПА, не могла быть освободительной, так как не было необходимости для освобождения Украины убивать тысячи гражданских лиц» (с. 541). Однако убийства гражданских, как и идея «очистки» национальной территории от этнических и политических противников, не противоречат признанию ОУН национально-освободительным движением. Подобная практика была скорее правилом, чем исключением в истории национально-освободительных движений XX века, и ОУН в этом отношении была довольно типичной национально-освободительной организацией.

Более последователен канадский историк Джон-Пол Химка, для которого национально-освободительный характер движения не является препятствием для его признания фашистским. Он спрашивает риторически: «Если ОУН была также национально-освободительным движением, означает ли это, что она не была фашистской? Усташи также были национально-освободительным движением – значит ли это, что они тоже не были фашистами? Вьетконг был национально-освободительным движением – следует ли из этого, что он не был коммунистическим?»⁷.

Иными словами, по мнению Химки, национально-освободительная борьба может сочетаться с любой идеологией, в т.ч. и с фашистской. Действительно, известные из истории национально-освободительные движения брали на вооружение либеральные, консервативные, социалистические, коммунистические и другие доктрины. Означает ли это, что национально-освободительная борьба по своей природе не является идеологической? Это равно утверждению, что национализм – не идеология. Однако национализм все же является идеологией, хотя иного рода, чем либерализм, коммунизм и т.п. В отличие от последних, национализм сам по себе не содержит проекта будущего социально-экономического и политического устройства. Он концентрируется на достижении и сохранении самостоятельности, единства и идентичности населения, считающегося «нацией»⁸. Поэтому, чтобы стать полноценной идеологией, способной мобилизовать массы, национализм должен заимствовать элементы из других общественно-политических доктрин. Таким образом создаются комбинации вроде либерально-консервативного, социалистического национализма, национал-коммунизма и тому подобные.

Однако, в отличие от либерализма, коммунизма и т.д., фашизм сам является крайней формой национализма (с этим отчасти согласен и Россолинский-Либе, хотя его собственное объяснение соотношения этих понятий (с. 33-34) не отличается ясностью и последовательностью). Следовательно, рассматривая соотношение фашизма и национально-освободительных движений, следует принимать во внимание внутреннюю типологию национализма, в частности, его разделение

---

⁷ Himka J.-P. The Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army: Unwelcome Elements of an Identity Project // *Ab Imperio*. 2010. № 4. P. 87.

⁸ Smith A. D. *Nationalism: Theory, Ideology, History*. 2nd ed. Cambridge, 2010. P. 9.

на национализм безгосударственных и государственных наций. Для первых национальное возрождение означает, прежде всего, преодоление состояния, воспринимаемого как угнетение, и создание собственного государства, для вторых – укрепление государства, наполнение его «подлинным» национальным содержанием, порой также очистку национальной общности от «чуждых» элементов, внешнюю экспансию, империализм, национальное мессианство. Очевидно, что первый тип национализма может перерасти во второй. Но только после выполнения первой задачи – создания собственного государства – абстрактно-теоретические рассуждения о том, каким оно будет, приобретают практическое значение. Охватывая термином «фашизм» националистические движения государственных и безгосударственных наций, мы нивелируем важные различия между ними.

Россолинский-Либе отвергает не только характеристику украинского националистического движения как «национально-освободительного», но и гораздо более нейтральный термин «интегральный национализм», широко принятый в историографии для обозначения идеологии ОУН, начиная с первопроходческой монографии Джона Армстронга⁹. Автор *Степана Бандеры* выдвигает два главных аргумента: «Во-первых, ОУН не использовала термин "интегральный национализм" и не отождествляла себя с идеологией интегрального национализма. Во-вторых, ОУН и ее лидеры не выдвигали требования "традиционной наследственной монархии", как и ряда других положений, характерных для интегрального национализма Моррасса, отца-основателя этой идеологии» (с. 25).

Даже если бы первое утверждение соответствовало действительности, его трудно рассматривать как убедительный аргумент: ОУН не отождествляла себя также и с фашизмом, более того – официально отвергала такое отождествление, однако это не мешает Россолинскому-Либе относить и ОУН, и лично Бандеру к фашизму. Однако на самом деле историк ошибается: активисты ОУН нечасто, но употребляли термин «интегральный национализм» для обозначения своей идеологии (например, Юлиан Вассиян в 1928 г.¹⁰, газета *Наш клич* в 1933¹¹). Использовали его (с отрицательными коннотациями) и оппоненты ОУН из украинского католического лагеря¹².

---

⁹ Armstrong J. A. *Ukrainian Nationalism, 1939–1945*. N.Y., 1955; idem. *Ukrainian Nationalism*. 2nd ed. N.Y., 1963 (reprint: Littleton, 1980, 3rd. edn. Englewood, 1990). Рус. пер.: Армстронг Дж. *Украинский национализм: факты и исследования* / Пер. с англ. П. В. Бехтина. М., 2008. Любопытно, что то же издательство «Центрполиграф» в 2014 г. переиздало книгу под новым названием: Армстронг Дж. *Истоки самостийного нацизма: к чему пришла Украина в XXI веке*. М., 2014. Издателей не смутило то обстоятельство, что ни о каком «украинском нацизме» в книге нет и речи. См. также: Armstrong J. A. *Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe* // *Journal of Modern History*. 1968. Vol. 40. № 3. P. 396-410.

¹⁰ Вассиян Ю. До головних засад націоналізму // *Розбудова Нації*. 1928. Ч. 2. С. 40 (перепечатано в: *Націоналізм: Антологія* / Упор. О. Проценко, В. Лісовий. Київ, 2000. С. 206).

¹¹ С. О. Союзники большевизму // *Наш Клич*. 1933. 14 травня. С. 3. Я предполагаю, что криптонимом «С. О.» подписывался близкий соратник Бандеры Ярослав Стецько.

¹² *Боротьба з неіснуючими небезпеками* // *Мета*. 1933. 26 березня. С. 1.

Так же неубедительно второе возражение, поскольку понятие «интегральный национализм», введенное в научный оборот американским историком Карлтоном Хейзом¹³, давно уже не ассоциируется с монархизмом в стиле Шарля Моррасса. Его содержание у Хейза и Армстронга практически совпадает с содержанием понятия «ультранационализм», которое Россолинский-Либе вслед за Роджером Гриффином и Стэнли Дж. Пейном включает в свой перечень критериев фашизма (с. 29-30, 33)¹⁴.

Признавая право на существование концепции «украинского фашизма», я все же считаю, что ОУН Бандеры целесообразнее сопоставлять с революционными ультранационалистическими (интегрально-националистическими) движениями в безгосударственных нациях, такими, как хорватская «Усташа» (до 1941 г.), радикальное крыло Глинковской словацкой народной партии (до 1939 г.) или Внутренняя македонская революционная организация. Движения этого типа (я условно называю его *ушташизмом*) имели общие черты с фашизмом, но стремились не к реорганизации уже существующего государства на тоталитарных принципах, а к созданию нового, применяя при этом все доступные средства, включая террор¹⁵. История движения усташей показывает, что в «благоприятных» условиях ушташизм может превратиться в настоящий фашизм. Разогнав правительство Ярослава Стецько и подвергнув аресту Бандеру и других лидеров ОУН в 1941 г., гитлеровцы предотвратили повторение в Украине хорватского сценария.

---

¹³ Hayes C. J. H. *The Historical Evolution of Modern Nationalism*. 3rd ed. N.Y., 1968. P. 164-224.

¹⁴ Ср.: Payne S.G. *A History of Fascism, 1914-1945*. Madison, 1995; Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1(31). С. 175-176; Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153-157; Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116-122; Гриффин Р. Революция Правых: фашизм. 2004. <http://www.fti.dn.ua/~metlov/griffin.html>; он же. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51-63; Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/8UmlandRezension.pdf>; Гриффин Р. От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М., 2007. С. 223-254; Гриффин Р. Введение к книге *Модернизм и фашизм*. 2009. http://www.shekhovtsov.org/translations/Griffin-Modernism_and_Fascism-Aufbruch.html; он же. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277; он же. Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 341-354; Umland A. Challenges and Promises of Comparative Research into Post-Soviet Fascism: Methodological and Conceptual Issues in the Study of the Contemporary East European Extreme Right // *Communist and Post-Communist Studies*. 2015. Vol. 48. № 2-3. P. 169-181.

¹⁵ Подробнее см.: Зайцев О. Український інтегральний націоналізм (1920-1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії. К., 2013; Zaitsev O. Fascism or Ustashism? Ukrainian Integral Nationalism in Comparative Perspective, 1920s–1930s // *Communist and Post-Communist Studies*. 2015. Vol. 48. № 2-3. P. 183-193.

Стоит отметить, что радикальный этнический национализм ОУН, хотя и отличался от фашизма, однако не был более гуманным или менее склонным к насилию. Это лишний раз доказывает исследование Россолинского-Либе, который подробно описывает массовые насилия бандеровцев в отношении поляков, евреев и украинцев во время войны, хотя сам Бандера, сидевший в это время в немецком концлагере, не имел к ним прямого отношения. Разумеется, дискуссии вокруг общих черт и отличий украинского радикального национализма и фашизма не должны вести к релятивизации антигуманных, ксенофобских и тоталитарных аспектов деятельности ОУН и УПА. С другой стороны, нельзя сводить эту деятельность *только* к проявлениям ксенофобии и тоталитаризма, забывая о длительной борьбе УПА против гораздо более антигуманного и тоталитарного советского режима, которая для большинства ее участников была борьбой за свободу.

Главная проблема Россолинского-Либе не в том, что он считает ОУН и лично Бандеру фашистами – такая объяснительная схема может иметь определенную эвристическую ценность, – а в том, что априорная схема у него нередко довлеет над фактами. Я не разделяю слишком суровой критики Юрия Радченко, упрекающего Россолинского-Либе за то, что он не использовал тех или иных важных, по мнению рецензента, источников. На самом деле источниковая база *Степана Бандеры* более чем достаточна, а охватить все доступные источники по такой широкой теме просто невозможно. Однако важно то, *как* историк использует свои источники, отбирая и интерпретируя факты.

Добросовестный историк обязан принимать во внимание не только факты, подтверждающие его рабочую гипотезу, но и те, которые в нее не укладываются. К сожалению, Россолинский-Либе не всегда соблюдает это правило и нередко, сознательно или бессознательно, подгоняет факты под априорные схемы «фашизма», «расизма» и «геноцидного национализма». Он справедливо указывает на элементы расизма в некоторых брошюрах членов ОУН, однако игнорирует критику гитлеровского расизма в ряде других текстов, в том числе и в официозе ОУН *Розбудова нації*¹⁶. Он видит фашизм везде, даже в приветствии «Слава Украине!», безосновательно приписывая его изобретение мелкому и малоизвестному Союзу украинских фашистов (с. 34, 563), хотя на самом деле оно было распространено еще во времена Украинской революции 1917-1920 гг.¹⁷, т.е. за не-

---

¹⁶ Онацький Е. Ідеологічні й тактичні розходження між фашизмом і націонал-соціалізмом // Розбудова Нації. 1934. Ч. 5/6. С. 142-149; idem. Культ успіху // Розбудова Нації. 1934. Ч. 7/8. С. 162-169. См. также: Обухович В. [Охримович С.] Від видавців [предисловіє к переводу отрывков из «Mein Kampf» Гитлера] // Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 3833. Оп. 2. Спр. 40. Арк. 3.

¹⁷ См., например: Шрамченко С. Лінійний корабель-дреднавт Чорноморської Фльоти «Воля»: історичний нарис // Літопис Червоної Калини. 1939. Ч. 5. С. 7; Артюшенко Ю. По тарах борців – за правду і волю. Чикаго, 1957. С. 7; Петрів В. Військово-історичні праці: спомини. Київ, 2002. С. 556-557, 603; Горліс-Горський Ю. Холодний Яр: документальний роман. 10-те вид. Київ, Дрогобич, 2008. С. 31.

сколько лет до образования СУФ. Цитируя важный программный документ, он переводит одно место как «totalitarian power of the Ukrainian nation» («тоталитарная власть украинской нации», с. 181), хотя слова «тоталитарная» в оригинале нет – речь идет о «суверенной, нераздельной, полной власти украинского народа»¹⁸. Вопреки собственной декларации, что «это исследование не утверждает, что все украинцы, состоявшие в ОУН или УПА, были фашистами или радикальными националистами» (с. 48), в последующих главах автор часто изображает ОУН как идеологический монолит, которым она никогда не была. Фашизм, гитлеризм, антисемитизм, тоталитаризм, террор имели как своих сторонников, так и критиков в рядах организации, однако автор тщательно цитирует только сторонников.

Впрочем, требование полной объективности было бы утопией – она просто недоступна для отдельного исследователя. Как писал Карл Поппер, «наука и научная объективность не есть (и не может быть) результатом попыток отдельного ученого стать "объективным". Она есть результат *дружески враждебного сотрудничества многих ученых*. Поэтому научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного метода»¹⁹. Это вполне справедливо и для истории как «критической гуманитарной науки»²⁰. Вот почему «дружески враждебное» обсуждение различных интерпретаций феномена Бандеры в академической среде необходимо, если мы стремимся к возможно более объективной реконструкции истории украинского радикального национализма.

Наибольшая новизна монографии Россолинського-Либбе заключается в исследовании формирования и развития культа Бандеры – от его зарождения в середине 1930-х годов и до наших дней. Автор возлагает ответственность за возрождение этого культа в независимой Украине не только на националистов, но и на «"либеральных" и "прогрессивных" украинских исследователей, таких как Ярослав Грицак, Андрей Портнов, Василий Расевич и Николай Рябчук» (с. 520). Характерно, что слова «либеральные» и «прогрессивные» в отношении этих украинских интеллектуалов автор неизменно берет в кавычки – видимо их либерализм и прогрессивность для него такой же миф, как и национально-освободительный характер ОУН. Он цитирует высказывание Грицака как характерное для позиции этой группы: «Могут и должны быть "неудобные герои", которые выпадают из монопольного видения прошлого. И "малые" народы имеют право их иметь так долго, сколько они чтят этих героев не как символы насилия над другими народами, а как символы сопротивления в борьбе за собственное выживание и собственное достоинство. В случае с Бандерой вопрос не в том,

---

¹⁸ Українське державотворення: Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів / Упор. О. Дзюбан. Львів, Київ, 2001. С. 25.

¹⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2 / Пер. с англ. под общей ред. В. Н. Садовского. М., 1992. С. 251.

²⁰ Guldi J., Armitage D. The History Manifesto. Cambridge, 2014.

был или не был он фашистом – вопрос в том, действительно ли большинство людей, почитающих его, почитает его как фашиста?»²¹ (с. 522).

Автор *Степана Бандеры* считает такую позицию оппортунистической и приходит к выводу, что украинские историки и интеллектуалы оказались не готовыми дистанцироваться от «трудных» элементов украинской истории. Однако здесь я согласен скорее с Грицаком, чем с Россолинским-Либе. В самом деле, почитание Бандеры как национального героя в западном регионе Украины, как и рост положительного отношения к нему после Евромайдана, в условиях конфликта с Россией, вовсе не свидетельствуют о «фашизации» украинского общества, ибо большинство почитателей вождя ОУН видят в нем не тоталитарного националиста и, тем более, не фашиста, а символ самоотверженной борьбы за независимость Украины против всех ее врагов.

Проблема Бандеры выходит далеко за рамки академических дебатов. Она важна для понимания современных проблем и возможных сценариев будущего развития украинского общества. В периоды революций и общественных трансформаций всегда происходит процесс, который Хейден Уайт назвал «ретроспективным установлением наследственности» («retrospective ancestral constitution»)²². Он состоит в том, что переходные общества отказываются от старых «родословных» и избирают новых «идеальных предков», чью деятельность рассматривают как модель для современности и построения идеального будущего. Подобный процесс происходит в Украине со времен перестройки и распада СССР, а Евромайдан 2013-2014 гг. дал ему новый толчок. Украинское общество избавляется от старой, советско-имперской наследственности и устанавливает (или восстанавливает) альтернативную «родословную». До сих пор ее связывали и связывают преимущественно с носителями (действительных или мнимых) демократических традиций – от запорожских казаков до диссидентов советской эпохи. Однако по мере обострения проблемы геополитического и цивилизационного выбора (с Европой или с Россией?), националисты и связанные с ними историки все настойчивее пытаются навязать украинцам собственный перечень «идеальных предков», в котором на главных местах оказываются Бандера, ОУН и УПА. При этом они не понимают или не хотят понять, что с такой «родословной» не только интеграция с Европейским Союзом, но и консолидация украинской нации становятся весьма проблематичными.

В другую крайность впадает Россолинский-Либе, подчеркивая исключительно «фашистский», «расистский» и «геноцидный» характер бандеровского движения и полностью отрицая наличие в нем освободительных и демократических элементов. Однако он прав, утверждая, что культ Бандеры, распространенный на западе Украины, является одним из факторов, мешающих украинцам критически

---

²¹ Грицак Я. Клопоты з пам'яттю // Zaxid.net. 2010. 8 березня. http://zaxid.net/news/showNews.do?klopoti_z_pamyattyu&objectId=1097756.

²² White H. The Fiction of Narrative: Essays in History, Literature, and Theory, 1957–2007. Baltimore, 2010. P. 132-135.

переосмыслить свою историю. Украина нуждается в радикальной демифологизации и десакрализации собственного прошлого, и первая научная биография Степана Бандеры, при всех ее недостатках, будет способствовать этому – хотя бы тем, что побуждает к широкой, научной и публичной, дискуссии.